
ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

З.Р. Аглеева

Кафедра современного русского языка
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20А, Астрахань, Россия, 414056

В статье представлены различные типы фразеологизированных конструкций, восходящих к придаточной части сложноподчиненного предложения, выражающих пространственные отношения. Отмечается представленность параметрического концепта «пространство» на уровне фразеологизированных структур в разноструктурных языках.

Ключевые слова: фразеологизированные конструкции, концепт «пространство», пространственные отношения, вербализация, универсальный, этноспецифический.

Категория пространства имеет «физический (онтологический), философский (гносеологический) и лингвистический аспекты» (М.В. Всеволодова). Лингвистический аспект, с точки зрения М.В. Всеволодовой, служит для репрезентации двух первых аспектов. Лингвистический аспект категории пространства неоднократно рассматривался исследователями с точки зрения особенностей вербализации концепта «пространство».

Исследователи-когнитологи отмечают принадлежность концепта «пространство» в плане содержания к параметрическим, «...которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др.» [10. С. 62]. Параметрические концепты, являясь универсальными, общечеловеческими, крайне неоднородны, включают в себя философские категории и универсальные ментальные образования. Пространство, как и некоторые глобальные, универсальные концепты, конечно же, отличается от элементарных, поэтому необходимо сделать несколько замечаний терминологического порядка. Такие глобальные концепты, как «пространство», «время», «человек», «жизнь», «движение», «развитие» и др., являются на самом деле своеобразной системой концептов. Поэтому возможно обозначение их как суперконцептов, макроконцептов, гиперконцептов по отношению к таким концептам, как «место», «направление», «лето», «утро», «внешность», «характер», «путь» и под. Между двумя типами этих концептов могут возникать определенные количественные или родо-видовые отношения. В связи с этим в каждом конкретном случае, на наш взгляд, следует говорить о бинарных оппозициях «суперконцепт — концепт», «макроконцепт — микроконцепт», «гиперконцепт — гипоконцепт», «концепт — субконцепт» и т.п. По отношению к категории пространства речь может идти прежде всего о суперконцепте, концептах и субконцептах.

Суперконцепт «пространство» включает в себя множество концептов, наиболее значительными среди которых нам представляются «место» или «локум»,

«направление», во многом пересекающиеся с концептом «движение», «расстояние», «перемещение», «протяженность, размеры локума», которые, в свою очередь, определяются многими критериями, в том числе и субконцептами. В частности, концепт «перемещение» может быть представлен субконцептами «трасса движения», «пункты движения», «скорость передвижения», «удаление/приближение» и т.д.

«Пространственные отношения в самом общем виде есть соположение в пространстве какого-либо предмета, действия (события), признака и некоторого пространственного ориентира (локума). Локум — это пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета (действия, признака) и характер их взаимоотношения» [3. С. 6]. Один из авторов приведенной дефиниции М.В. Всеволодова рассматривает оппозиции именных групп («сопространственность/несопространственность», «заполненность/незаполненность пространства действием»), в том числе и «степень заполненности»), каждый член которой «реализуется в четырех значениях: локатив (где?) — директив-финиш (куда?) — директив-старт (откуда?) — трасса (как? каким путем?)» [3. С. 14]. Автор анализирует основные оппозиции именных групп пространственности: «статика — динамика», «трасса движения — пункт движения», «директив-старт (исходный пункт движения) — директив-пункт (конечный пункт движения)». А.И. Смирницкий анализирует категорию пространства, но употребляет не термин «концепт» (книга издана в 1956 г.), а называет ее наряду со временем числом, величиной, движением и т.п., это в терминологии автора «известные, наиболее общие по своему характеру темы», «группы тематически общего характера» [12. С. 182]. Анализируя движение в известном направлении, А.И. Смирницкий выделяет следующие моменты «в составе всего данного обозначаемого явления: (1) сам движущийся предмет, то есть либо субъект движения, либо его объект ... возможно и одновременное выделение как субъекта, так и объекта движения; (2) движение определенного качества, характера (фразеологические вербализаторы — бежит (несется) как угорелый; что есть мочи, что есть сил; несется как с цепи сорвавшийся (сорвался) и под. с морфологическими трансформациями); (3) общая направленность движения (в основном — приближение или удаление); (4) предмет или место, по отношению к которому совершается и отмечается данное движение; (5) специфический характер пространственного отношения между движущимся предметом и тем предметом или местом, относительно которого совершается и отмечается данное движение» [12. С. 184]. Слова, входящие в четвертую группу, связаны с понятиями «директив-старт» и «директив-финиш». Фразеологическими репрезентантами директив-старта являются устойчивые фразы с семой 'неожиданное, внезапное появление кого-л.' (как с луны (неба) свалился (во 2 знач.), как снег на голову и под.), а директив-финиш нередко сопоставим с чужим пространством.

И. Пете отмечает: «Характер проявления пространственных отношений может быть точечным, линейным или окружным» [11]. Точечные локальные отношения, по мнению ученого, представлены 12 типами: внутренние, внешние, поверхностные, верхние, нижние, передние, задние, околوناходящиеся, боковые, сере-

динные, интерпозиционные, противоположные. Линейные локальные отношения переданы пятью типами: параллельные, перпендикулярные, диагональные, предельные, транспозиционные. «Окружные локальные отношения указывают на кругообразное место. Выделяются круговые и обходные типы» [11. С. 66]. Д.С. Ганенков [6] вслед за А.Е. Кибриком выделяет грамматические значения: 1) нахождение на вертикальной (боковой, наклонной) поверхности; 2) нахождение в (плотном) контакте с предметом. М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский при характеристике пространственной семантики противопоставляют семы статичности и динамичности [3].

Таким образом, категория пространственных отношений многоаспектна, хотя речь идет только о физическом пространстве, не затрагивается художественное и социальное пространство, макросистема, основанная на отношении «человек и пространство», репрезентирующая непредметную сферу, внутренний мир человека, его эмоции, интеллектуальную деятельность, абстрактные понятия и отношения через систему пространственных категорий (положение в пространстве, движение и покой) (Л.В. Балашова).

В.М. Топорова предлагает объединить концепты пространственной формы в несколько типов (в частности по степени семантической самодостаточности формы; в соответствии с критериями определения понятия формы как «пространственно-геометрической конфигурации»). «По степени семантической самодостаточности формы можно выделить оппозицию „живой образ — схема“... Этому типу концепта формы соответствует обыденное определение формы — „внешний вид, облик предмета“» [13. С. 215]. Исследователем выделяются два вида схематической репрезентации: «на уровне восприятия видимой границы предмета (очертание, контур), в том числе на уровне контурного плоскостного восприятия (профиль, силуэт), и на уровне выделения структурной схемы» [13. С. 216]. Выделенные типы концептов обуславливают и «различные группы номинаций, входящих в лексико-семантическое поле „форма“: геометрические номинации и предметно маркированные названия форм или структур, уподобляемых геометрическому образу, и названия усложненных конфигураций», изобразительные, идеографические и обобщенные номинации различных видов контурной схематизации формы (силуэт, очертание, профиль, контур) [13. С. 216]. Нетрадиционно рассматриваются статистический и динамический аспекты концептов пространственной формы, определяются морфологические и собственно лексические типы вербализации нежестких концептов формы, отмечается иконический способ репрезентации идеи физического движения. Автором упоминаются символические и фразеологические концепты. Рассматривалось пространство и в плане диахронии (Л.А. Балашова).

Несмотря на то, что многие исследователи среди наиболее частотных репрезентатов пространственных отношений называют синтаксемы (предложно-падежные формы) и существительные-локативы, наблюдения над детской речью и речью обучающихся неродному языку показывают, что в первую очередь среди вербализаторов концепта «пространство» усваиваются именно дейктические слова, а затем уже локативы и синтаксемы. М.В. Всеволодова в функционально-семантической

категории локативности как одну из ведущих выделяет категорию наречной локативности, особо отмечая местоименные наречия «субъективной ориентации» (*здесь, тут, там, сюда, оттуда, отсюда*) и вопросительные (*где, куда, откуда*); наречия-деадъективы типа *далеко, близко, прямо, косо*, соотносимые с прилагательными (*далекий, близкий, прямой, косой*); амбивалентные, или бифункциональные единицы, представляемые в словарях как наречия и предлоги. Следует заметить, что при рассмотрении иерархии «суперконцепт — концепты — субконцепты» перечисленные лексические единицы входят в разные подгруппы, меняется и значимость каждой из этих семем в зависимости от того, какой субконцепт они вербализуют в том или ином контексте.

Необходимо отметить и оппозиции, выражающие синонимические и антонимические отношения, на каждом языковом уровне репрезентации концептов. Нашей задачей не является полное представление суперконцепта «пространство» (практически такие универсальные концепты не могут быть описаны полностью ни в одном из существовавших когда-либо языков из-за своей глубины и многоэлементности), поэтому кратко остановимся на возможностях вербализации данного сегмента концептосферы на разных языковых уровнях. Представим лишь несколько антонимических пар, на лексическом уровне вербализующих данный суперконцепт. Так, концепт «место в пространстве» (или «локум») представлен лексемами: наречиями *здесь (тут)-там, верх-низ*, существительными *город-село, центр-периферия (окраина), столица-провинция, горы-равнина, школа, магазин, столовая, парк* и т.д., ассоциативно связанными с адъективами *дальний-ближний, верхний-нижний, близлежащий-удаленный (отдаленный), приморский, пришкольный*, деадъективными наречиями, глаголами *располагаться, находиться, пребывать, сидеть, лежать*, предлогами *над-под, в-на, за-перед*, в том числе и отадвербиального (*около, рядом, возле, мимо, вдоль, вокруг*) и отыменного происхождения, среди которых встречаются и фразеологизированные (*в направлении, в сторону, со стороны*), и двойные предлоги (*по-над, по-за*). Частотность и число двойных предлогов значительно выше в различных диалектах: *по-под, по-перед, по-на, под-на, по-за, по-зли* и т.д.: *По-под горою тракторы пашут; По-над рекою песни раздаются* [3. С. 107].

На морфологическом уровне эксплицитность репрезентации данного концепта была выше в древнерусском языке в период функционирования местного падежа. Впрочем, отсутствие его теперь компенсируется локативным значением родительного, винительного и предложного падежей: *на мосту, у дома, в деревне*. В тюркских языках, например в татарском, сохранились и частотны направительный, местный и исходный падежи, которые эксплицитно транслируют локативную семантику. В частности, в исходном падеже, послеложное слово астыннан указывает, что действие исходит из-под предмета или от его нижней части:

Серлә хатын-кыз тавышы, идән астыннан ишетелгәндәй, жавап бирә. — Ей отвечает таинственный женский голос, точно из-под земли (А. Чехов. Вишневы сад).

Переводчик пьесы заменил предложно-падежную форму *из-под земли* словоформой *идән астыннан* — *из-под пола*, но значение послеложного слова не из-

менилось. В местном падеже *өстендә* указывает на совершение действия на поверхности предмета:

Яша поднос тоткан, аның өстендә кечкенә генә стаканнар, стаканнарда шампанский. — Яша держит поднос, на нем маленькие стаканчики, в стаканчиках шампанское (А. Чехов. Вишневый сад).

В направительном падеже послеложное слово *янына* выражает направление действия к боковой части, в сторону чего- или кого-либо, например:

Чебутыкин аның янына бара. — Чебутыкин идет к ней (Маше) (А. Чехов. Три сестры). Елена Андреевна ашыгып Войницкий янына килә. — Елена Андреевна быстро подходит к Войницкому (А. Чехов. Дядя Ваня).

В агглютинативных языках, например в татарском, пространственные отношения эксплицитно представлены послелогоми и послеложными словами вертикального плана («аст» и словоформы его в трех приведенных выше падежах — ‘низ’, *ост* ‘верх’), горизонтального плана (*ал* ‘перед’, *арт* ‘зад’, *ян* ‘бок’, ‘сторона’, *эч* ‘нутро’, *буй* ‘длина’, ‘протяжение’) и послелого смешанного плана (*ара* ‘промежуток’, *баш* ‘конец’, ‘голова’, *урта* ‘середина’ и т.д.). Послелого и послеложные слова пространственной ориентации *алда*, *артта*, *астына*, *янында* и под. Н.А. Баскаков называет изолированными формами существительных. Благодаря постфиксам и послелогам локативность в отдельных тюркских языках становится категорией морфологической.

На синтаксическом уровне пространственные отношения передаются в русском языке конструкциями, построенными по схемам N1VfN4, N1VfN6, N1VfN2, предложениями, осложненными обособленными обстоятельствами места, уточняющими членами, сложноподчиненными предложениями с придаточными места и т.п. Подобного рода синтаксические конструкции имеются и в некоторых других языках (явление крайне интересное, но оно не рассматривается в рамках статьи).

К средствам вторичной номинации, вербализующим данный концепт, относятся метафорические и метонимические наименования, среди которых и фольклорные элементы (*в тридевятом царстве, за синими морями, за лесами, за долами, на травушке-муравушке* и т.д.). Фраземы как единицы непрямой номинации представлены в качестве репрезентантов пространственных отношений достаточно широко и распределяются среди различных концептов и субконцептов: *вдоль и поперек, взад-вперед, из конца в конец, от края и до края* (с вариантом *из края в край*), *из-под земли, со дна морского* — концепт «перемещение»; *рукой подать, под рукой* (с вариантом *под руками*), *под боком, под самым носом, в двух шагах, не за горами, на краю света, за семью холмами, за семью реками, медвежий угол, за тридевять земель, за семь верст киселя хлебать, у черта на куличках* — концепт «расстояние (удаленность объекта)»; *столовая дорога, земля обетованная, в четырех стенах, под луной, под солнцем, под Богом, под небом* — концепт «место» и т.п.

Как отмечалось, в концептосфере наряду с процессами выделения и разграничения концептуальных пространств происходят процессы диффузии, проникновения одного в другое, образования диффузных зон. Так, периферию концепта

«направление» вербализует фразеологизм *на все четыре стороны*, выражающий все возможные направления движения, ‘куда угодно, куда захочется’. Он располагается на стыке двух концептов: «направление» и «свобода», где на стадии сохранения денотативных признаков первоначально подразумевалось значение ‘свобода выбора направления движения’, а затем оно расширилось до значения ‘свобода выбора манеры поведения, жизненного пути в целом’ (*Когда человеку объявляют, что он может идти на все четыре стороны, то это собственно говоря, значит, что, несмотря на обилие сторон, идти некуда...* Ильф и Петров). Пересечение концептов «Место» и «Отсутствие общения» представляет фразеологическое сочетание в четырех стенах.

Интенсификатором значения неизвестности служит введение в состав фразем-мифологем *черт знает куда, черт знает откуда, черт знает где*:

Это и была та самая фальшивая нота, которая ускользала от Попова при чтении протокола, но сейчас, в живой речи Горбикова, звучала довольно ясно... И неприятны были под крутым надбровьем мерцающие маленькие глазки Горбикова, которые порою совсем уходили черт знает куда. “Однако, брат, — одернул сам себя Попов, — ты увлекаешься: глазки ни причем — такова их анатомия... кивал головой Попов, с раздражением слушая фальшивую речь Горбикова”» (Б. Жилин. Черные флажки).

На стыке концептов «направление» и «неизвестность» располагаются конструкции типа *неизвестно (неведомо) откуда, куда угодно, неизвестно (неведомо) куда, неизвестно (неведомо) где*, которые в последнее время стали крайне частотными в художественном дискурсе. В иронических произведениях, и в частности детективах, данная позиция может замещаться и лексическими вариантами эллиптических конструкций *незнамо куда, незнамо откуда* и под., ранее квалифицировавшимися как устаревшие или областные. Новый оттенок может привноситься просторечной единицей *абы куда* — ‘двигаться (перемещаться) лишь бы куда, только не оставаться здесь’.

Подобного рода конструкции представляют собой максимально редуцированную придаточную часть сложноподчиненного предложения с локальными отношениями. Е.В. Гулыга отмечает: «Основным, но не единственным путем синтаксического упрощения является свертывание придаточного предложения путем замены членом предложения, выраженным словом, словосочетанием и оборотом [9. С. 20]. По терминологии В.В. Бабайцевой, это переходные конструкции в области простого и сложного предложения, В.Н. Мигирова считает, что эти конструкции представляют собой некоторое сближение бывшей предикативной единицы с членом простого предложения. А.Б. Шапиро характеризовал их как «предложения, в которых один из членов выражен косвенно-вопросительным местоименным словом, являющимся эквивалентом неразвернутого придаточного предложения, в данной контекстовой ситуации излишнего». В последнем определении данные конструкции сближаются с эллиптической разновидностью неполного предложения, поэтому выше мы и охарактеризовали их как эллиптические (эллиптированные) придаточные части СПП, которые можно сопоставить с гипотетиче-

ской формой генетического прототипа *неизвестно (неведомо) откуда появился, куда угодно мог исчезнуть, неизвестно (неведомо) куда девался, неизвестно (неведомо) где спрятался, незнамо куда отослали, незнамо откуда взялся* и пр., которая в дальнейшем может быть еще более развернута. «Крайней степенью редукции фразеологических единиц следует признать свободное употребление одного из ее компонентов, семантически обогащенного за счет смыслового целого» [2. С. 105]. Действительно, местоименное наречие сконцентрировало в себе содержание целой придаточной части и занимает ту же синтаксическую позицию обстоятельства места, что и гипотетическая придаточная часть. Особенностью указанных конструкций является и наличие модального оттенка: говорящий не просто констатирует факт появления или исчезновения, но и проявляет отношение к происходящему. Рассматриваемые конструкции, как и фразеологизмы, отличаются воспроизводимостью, относительной устойчивостью, наличием константных компонентов, оценочным значением, смысловой неразложимостью. Их объединяет фразеосхема «наречие на -о + косвенно-вопросительное местоименное наречие». Общим для этих конструкций является и отнесенность глагола-сопроводителя к единой тематической группе, точнее к бинарной оппозиции «появление/исчезновение»:

Снова непонятно откуда возник метрдотель и закрыл вид (Г. Куликова); Он и выскочил-то непонятно откуда! (Г. Куликова); Матвей уехал в командировку непонятно куда и непонятно на сколько, свидание с его мамой сорвалось... (Г. Куликова); Что касается Наба, то он готов был следовать за своим господином куда угодно (Ж. Верн. Таинственный остров).

Как правило, глаголы-сопроводители, помимо основной семы, имеют и семему 'неожиданно'.

Одним из наиболее частотных репрезентаторов концептов «место», «направление» и «неизвестность» является устойчивая фраза *куда Макар телят не гонял*. Интересно то, что разные фразеографические источники и тексты привносят в толкование этой широко употребляемой устойчивой фразы различные оттенки. Так, А.Н. Тихонов и Н.А. Ковалева определяют значение этой ФЕ как 'очень далеко', и это подтверждается многочисленными примерами из художественного и публицистического дискурса.

Охотники, пожалуй, самые посвященные в таинства природы люди. Этот беспокойный народец издревле предпочитает сидению-лежанию дома шатание-лазанье в таких местах, куда Макар телят не гонял. А уж сколько они случаев знают!.. (В. Ярцев).

Есть тенденция расширения фразеологического значения 'очень далеко, куда ни за что не отпавишься по своей воле':

Приехал становой узнавать, кто хотел землю столбить. Все сказали на Ивана. И увезли куда-то Ивана. — Куда увезли Ивана? — Куда Макар телят не гонял (Пришвин).

Куда Макар телят не гонял — очень далеко. Имя Макар во многих пословицах ассоциируется с бедным, несчастным человеком. Возможно, Макар — это нищий, безземельный крестьянин, вынужденный пасти чужих телят на самых заброшенных

и запустелых выгонах. Место же, куда даже Макар телят не гонял, — еще дальше. Выражение до революции употреблялось шутливо о политической ссылке» (Интернет-справочник по фразеологии).

У В.И. Даля представлен морфологический вариант *куда Макар телят не гоняет*.

Своеобразным приемом описания далекого пространства, формирования отношения к описываемому может быть нанизывание фразеологических единиц с тождественной семантикой:

Раки здесь, конечно, не живут. Но другие звери, обитающие в этих местах, равно как и люди, достойны самого глубокого уважения. Потому что определения “у черта на куличках”, “где раки зимуют” и «куда Макар телят не гонял» — это про них. Потому что зимой здесь царят 50-градусные морозы, а рекорд зафиксирован на отметке $-71,2^{\circ}\text{C}$. Потому что добраться сюда можно либо самолетом, либо по зимнику [14].

Синонимичные фразеосинтаксические идиомы *куда Макар телят не гонял* и *куда ворон костей не заносил* и свободная синтаксическая конструкция *погонят тебя в такие края, куда ты вовсе не собирался* используется Б. Ивановым. Благодаря употреблению в едином контексте и семантическому окружению, общим семам последняя синтаксическая конструкция, построенная по модели свободной придаточной части сложноподчиненного предложения, начинает восприниматься почти как фразеологизированная единица. Две фразеосинтаксические идиомы состоят в градуированных отношениях, обозначают разную степень интенсивности, что подмечено в приведенном ниже контексте. Возникает своеобразная цепочка-градация: *края, куда ты вовсе не собирался* → *куда Макар телят не гонял* → *куда ворон костей не заносил*:

— Не знаю, не знаю, — сказал Тим. — Сам знаешь, я, в общем, не тупица, однако шалопай и бездельник, каких мало, и главная проблема заставить меня вкалывать. Так что хорошая плетка по заднице мне бы не помешала. — К дьяволу ее! Пряник — куда ни шло!.. Тем более, хорошая плеть редко сочетается со здоровым умом, и погонят тебя в такие края, куда ты вовсе не собирался! — «Куда Макар телят не гонял», да? — Или «ворон костей не заносил», — еще сгустил краски Вадим. — И чего нас вечно тянет на неизведанные тропы? Так и норовим оказаться «впереди планеты всей» одним большим скачком, точно китайцы. — Скучный ты человек, Вадик, — не любишь (Иванов Б. Миротворцы).

Частотность употребления идиомы *куда Макар телят не гонял*, в том числе и ее морфологических вариантов, в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина отмечает К. Тюнькин («Салтыков-Щедрин»): «Для Салтыкова важен Ташкент как термин „отвлеченный“, обобщающий, то есть „страна, лежащая всюду, где бьют по зубам и где имеет право гражданственности предание о Макаре, телят не гоняющем“. (Иносказательный смысл этой поговорки — «куда Макар телят не гонял» — в частом употреблении Салтыкова означает высылку по политическим мотивам)». Выражение «куда Макар телят не гоняет», переиначенное Степаном Трофимовичем на французский лад («...dans le pays de Makar et de ses veaux...»), здесь употреблено для обозначения административно-полицейских репрессий.

Именно в таком смысле оно постоянно фигурирует в сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ср. в «Сатирах в прозе»: «Красноречие бюрократическое <...> я вас туда упеку, куда Макар телят не гонял»; в «Помпадурах и помпадуршах»: «Любимейшие его выражения были: „фюить!“ и „куда Макар телят не гонял!“» и в «Истории одного города»: «благополучно проследовал в тот край, куда Макар телят не гонял». Известен и морфологический вариант *куда ворон костей не занесет* (*Загону туда, куда ворон костей не занесет*), и расширение компонентного состава за счет включения определения и темпорального обстоятельства (*Вот и пошли: шли, шли и пришли в ту сторону, куда ворон человеческих костей еще не заносил* (сказка «Фролка-сидень»)).

Различные концепты суперконцепта «пространство» могут вербализоваться и другими синтаксическими идиомами, построенными по модели придаточной части сложноподчиненного предложения (*где раки зимуют; куда кривая вывезет* (с вариантами *вынесет, выведет*); *куда кривая ни вынесет (ни вывезет)*; *куда глаза глядят; куда ноги несут, куда ни глянь, насколько глаз хватает* и т.д. Значение ‘далеко, в чужих краях’ присутствует и в устойчивых фразах *куда не ступала нога (человека), где наши вороны не летают, куда леший сучки не залукнет*. И справедливо мнение о «социальном освоении пространства», биноме освоенность/неосвоенность, «фундаментальной оппозиции свое/чужое».

Обращение к разнотипным языкам позволяет говорить о достаточно широкой представленности параметрического концепта «пространство» в различных языках. Остановимся лишь на нескольких примерах, прежде всего обратив внимание на вербализацию концепта указанными выше синтаксическими идиомами. Аналогом фразеологического значения ‘места не столь отдаленные’, ‘места ссылки’ является казахская ФЕ *ит жеккен жер* (букв. местность, где запрягают собак). Фразеологическое значение ‘очень далеко, неизвестно где’ представляет синтаксическая идиома *ит өлген жер* (букв. место, где умирают собаки). Чужое пространство в немецком языке связано с несколько иными фразеологическими образами. Близкая данной немецкая лингвокультурема эвфемистична, зооморфные образы, легшие в ее основу, «антонимичны», меняется и значение — ‘нигде’: *Wo Hase und Fuchs einander gute Nacht wünschen* (букв. где гусь и лиса желают друг другу спокойной ночи). Сема ‘неожиданное появление’, характерная для русской устойчивой фразы *откуда ни возьмись*, присуща татарской фраземе *кәтм г и ирд н, уйламаган ирд н* (букв. из мест, откуда не ожидали; из мест, откуда и не думали). Можно привести достаточно большое количество фразем, анализ которых позволяет констатировать общность мыслительных и логико-психологических процессов, универсальность многих (особенно параметрических) концептов, близость фразеобразовательных моделей и этноспецифичность способов вербализации нередко за счет различия фразеологических образов. Так как ФЕ языка являются своеобразными и наиболее емкими трансляторами этнокультуры, их семантика — это «результат опосредованной когнитивной деятельности, продукт лингвокреативного мышления ассоциативно-образного типа» [1. С. 22].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алефиренко Н.Ф.* Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: Монография. — Волгоград: Перемена, 2006.
- [2] *Бабкин А.М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. — Л.: Наука, 1970.
- [3] *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. — М., 1982
- [5] *Войтенко А.В., Войтенко А.Ф.* Диалектологическая практика. — М.: Логос, 1998.
- [6] *Ганенков Д.С.* Контактные локализации в нахско-дагестанских языках // Вопросы языкознания. — 2005. — № 5. — С. 100—104.
- [7] *Гашева Л.П.* Фразеологизмы-локативы — вербализаторы пространства в поэтическом дискурсе // Фразеология и когнитивистика: Материалы I Междунар. науч. конф. (Белгород, 4—6 мая 2008 года): В 2 т. — Т. 2: Идиоматика и когнитивная Лингвокультурология / Отв. ред. Н.Ф. Алефиренко. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. — С. 19—23.
- [8] *Гриднева Т.В.* Когнитивная основа фразеологической семантики // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17—23 сентября 2007 г. Т. 2. — София, 2007. — С. 99—103.
- [9] *Гулыг Е.В.* Место СПП в системе синтаксиса // Филологические науки. — 1961. — № 3.
- [10] *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004.
- [11] *Пете И.* Пространственность, предлоги, локальные отношения, картины мира и явления асимметричности // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2004. — № 9. — С. 61—74.
- [12] *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. — М.: Высшая школа, 1956.
- [13] *Топорова В.М.* Типология языковых концептов пространственной формы. Т. 1: Семантика языковых единиц. — М., 1998. — С. 215—218.
- [14] *ФОБОС / Gismeteo.ru*

PHRASEOLOGICAL UNITS AS A MEANS OF EXPRESSING SPATIAL RELATIONS

Z.R. Agleeva

Chair of Modern Russian Language
Astrakhan State University
Tatishev str., 20a, Astrakhan, 414056

Different types of phraseological units formed of a subordinate clause of a complex sentence and expressing spatial relations are presented in the article. We mention that parametrical concept “space” is presented on phraseological level of languages with different structures.

Key words: phraseological units, concept “Space”, spatial relations, verbalization, universal, ethnospecific.